

**ЯЗЫКОВЫЕ МЕТАФОРЫ С СЕМАНТИКОЙ
АРТЕФАКТА В «ΤΑΞΙΔΕΥΟΝΤΑΣ. ΡΟΥΣΙΑ»
Н. КАЗАНДЗАКИСА**

В современной лингвистике к исследованию метафоры нередко прибегают при изучении языковой и индивидуальной картины мира. В настоящей статье рассматривается роль языковых метафор с семантикой артефакта в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» греческого писателя XX в. Никоса Казандзакиса. Метафорически употребленные лексемы анализируются и группируются исходя из их семантики. В результате предпринимается попытка проследить связь языковых метафор с концептуальной картиной мира автора, а также установить их соотношение с системой языковых метафор в новогреческом языке в целом.

Ключевые слова: языковая метафора, когнитивная метафора, метафорология, лексическая семантика, авторская публицистика, Никос Казандзакис, «Путешествую».

В современной лингвистике метафора рассматривается как важный и вездесущий языковой элемент (Musolff, Zinken 2009: 1), а метафоризация – как «процесс, приводящий к получению нового знания о мире в ходе его оязыковления» (Teliya 1988: 46). История изучения метафоры в европейской словесности традиционно возводится к «Риторике» и «Поэтике» Аристотеля, где она описывается как художественный прием, характеризующий авторский стиль и сообщающий красоту и изящество тексту (Aristotle 2007: 128). Постепенно наполнение понятия ‘стиль’ менялось, и метафора, утратив свое первичное значение, стала восприниматься как универсальный способ описания, кодификации и категоризации действительности, а также и отражения языковой и индивидуальной картины мира (Arutyunova 1990: 16). Важную роль в формировании представления о метафоре как о необходимом и имманентном человеку инструменте мышления и познания мира сыграла сформулированная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теория концептуальной метафоры (Lakoff, Johnson 2004: 25). Учитывая в той или иной степени теоретические установки Дж. Лакоффа и М. Джонсона, современные исследования метафоры рассматривают ее как

универсальный инструмент философского, логического, эстетического, семиотического исследования мира человеком (ср., например: Taverniers 2002; Musolff, Zinken 2009).

В противовес зарубежным исследованиям, в которых преобладает изучение логико-философских и когнитивно-психологических аспектов метафоры, в отечественной традиции она рассматривается прежде всего как языковое явление (Laguta 2003: 30). Осознание когнитивной роли метафоры выразилось в обосновании необходимости различения метафоры художественной и метафоры языковой, из которых первая представляет собой результат «целенаправленных и сознательных эстетических поисков» (Sklyarevskaya 1993: 31), а вторая автоматически воспроизводится в речи и является элементом лексической системы языка (Sklyarevskaya 1993: 31), в силу чего более тесно связана с когнитивной системой автора и его языковой картиной мира.

В настоящей работе метафора рассматривается как лексико-семантическое явление, непосредственно связанное с концептуальной сферой «человека говорящего». Представляя собой, в соответствии с когнитивной теорией метафоры, взаимодействие между двумя различными сферами концептуальной картины мира, метафора всегда имеет конкретную языковую реализацию. Эта реализация, в отличие от элементов когнитивной сферы человека, имеет материальное выражение. В связи с этим, анализ метафор любого типа в том или ином тексте по необходимости включает в себя рассмотрение метафоры одновременно и как лексико-семантического феномена, и как элемента когнитивной структуры языковой картины мира.

С когнитивной точки зрения метафора представляет собой двучленную структуру и отражает взаимодействие между сферой-целью А и сферой-источником В, а с позиций лексической семантики она является результатом «транспозиции... лексики, предназначенной для указания на предмет речи, в сферу предикатов, предназначенных для указания на его признаки и свойства» (Arutyunova 1990: 19).

Принципы семантического анализа метафоры, разработанные и описанные как отечественными (Basilaya 1971; Bessarובה 1986; Teliya 1988; Sklyarevskaya 1993; Moskvina 2012), так и зарубежными учеными (Lakoff, Johnson 2004) могут быть использованы при исследовании языковых метафор, построен-

ных на переносе значения между лексическими единицами конкретной семантики, в тексте сборника путевых заметок «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» греческого писателя XX века Никоса Казандзакиса.

Указанный сборник можно считать своеобразным корпусом текстов, объединенных общей тематикой, и, рассматривая его, мы предприняли попытку с помощью анализа семантических компонентов метафоры определить, как языковые метафоры характеризуют определенный фрагмент языковой картины мира автора и на этом основании установить его позицию по отношению к описываемым событиям. Хотя, по мнению В. Н. Телия, «при метафоризации не следует обязательно искать общих схем, свойственных словарным определениям двух слов» (Teliya 1988: 15), именно выявление таких «общих схем» может стать ценным материалом для изучения авторской картины мира, отраженной в тексте сборника.

Выбор данного текста в качестве объекта исследования продиктован двумя причинами. Во-первых, по сравнению с художественными произведениями Н. Казандзакиса, цикл путевых заметок «Ταξιδεύοντας» вообще и «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» в частности менее исследован и до настоящего момента не подвергался лингвистическому анализу. Во-вторых, на основании того, что примеры авторского словоупотребления – «столь же неотъемлемое достояние живого языка, как и нормативно фиксированная сочетаемость слов» (Teliya 1981: 12), можно заключить, что исследование языковых метафор в авторском тексте будет способствовать созданию более четкой и детализованной новогреческой языковой картины мира в целом.

Основу сборника заметок «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» Н. Казандзакиса составили материалы, опубликованные им как корреспондентские заметки в греческих газетах в период с 1925 по 1930 гг. Сборник является одним из первых свидетельств о жизни молодой Советской России. Для изображения новой и еще не освоенной новогреческим языком советской действительности Казандзакис, оказавшись в данном случае в роли первопроходца, вынужден создать и новую образную систему, а зачастую и новый словарь. Описывая явления и объясняя их греческому читателю, писатель опосредовано представляет и

собственную точку зрения, что позволяет рассматривать метафоры как ключ к авторской картине мира.

Наиболее точное определение жанра «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» – писательская журналистика, которая характеризуется исследователями как «переходное явление, объединяющее публицистичность и художественность как способы мышления» (Kaminsky 2007: 97). Однако способы репрезентации событий, организация текста (в соответствии с маршрутами перемещения автора), обращенность к читателю (и обусловленная этим явная диалогичность текста), а также насыщенность фактами, экономическими, политическими и историческими данными свидетельствуют о явном приоритете публицистического начала над художественным.

Исследование языковой метафоры в публицистическом дискурсе является ценным инструментом изучения картины мира говорящего, поскольку такая метафора в меньшей степени зависит «от стереотипности или, наоборот, нестандартности мировидения» (Teliya 1988: 41) автора.

Список анализируемого материала ограничен метафорами, с семантической точки зрения представляющими собой схему А–В, при этом сферы А и В обозначены «словами, способными обозначать и субъекты сравнения, и результаты компаративного анализа» (Moskvin 2012: 86), т. е. именами существительными конкретной и абстрактной семантики. Такие метафоры обозначаются как относящиеся к семантической группе ОБЪЕКТ – ОБЪЕКТ и затем классифицируются в зависимости от семантики первого и второго компонентов, формирующих, соответственно, сферу-цель и сферу-источник метафорического переноса (Lakoff, Johnson 2004: 28). В основе распределения метафор по семантическим категориям лежит семантика компонента, относящегося к сфере-источнику, поскольку представляется, что факт «частичного воспроизведения структуры источника в структуре цели» (Lakoff, Johnson 2004: 28), а также то, что сфера-источник содержит «знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью» (Lakoff, Johnson 2004: 10), указывает на первичность содержания сферы-источника для человеческого мышления и, в силу этого, на его определяющую роль при метафоризации.

Семантическая категория ОБЪЕКТ включает разнообразные классы предметов и явлений (предмет, животное, человек, абстракция и т. д.). Проведенный анализ показывает, что наиболее многочисленны в тексте Н. Казандзакиса метафорические переносы типа ПРЕДМЕТ – ПРЕДМЕТ (42 примера из 202, т. е. 20,8% от общего количества). Лексемы, образующие поле-источник каждой конкретной метафоры, формируют следующие группы: 1) природные объекты; 2) мифические и сказочные географические объекты; 3) предметы, созданные и используемые человеком, которые, в свою очередь, делятся на несколько групп: а) инструмент, орудие, оружие; б) произведение искусства, книга; в) общественные организации и объединения; 4) физически невоспринимаемые объекты реального мира (ядро, клетка и т. п.).

Предметом рассмотрения настоящей работы являются метафоры, отнесенные нами к пунктам а) и б) указанной выше классификации, т. е. такие, в которых сфера-цель представлена лексемой, обозначающей в широком смысле артефакт – нечто, созданное и используемое человеком в повседневной, хозяйственной или иной деятельности: орудие, оружие, инструмент, а также предмет культуры или искусства. Метафоры такого типа составляют более половины (25 из 43) всех метафор семантической группы ПРЕДМЕТ – ПРЕДМЕТ в тексте «Ταξιδεύοντας Ρουσία».

В ряде случаев поле-источник обозначено лексическими единицами со значением оружия, что отражает авторское представление о том, что даже мирная жизнь в современной ему России – постоянная борьба со старым миром, с враждебным окружением, с несовершенной человеческой природой. На долю таких метафор приходится 17% от всего количества метафор типа ПРЕДМЕТ – ПРЕДМЕТ.

В качестве оружия может описываться любое явление или абстрактное понятие, например, право:

- (1) Ὅπως ο στρατός, ὁμοια και το Δίκαιο, είναι και αυτό όπλο πολεμικό στα χέρια του προλεταριάτου.
'и армия, и право – боевое оружие в руках пролетариата'¹,

¹ Все переводы, кроме особо оговоренных, выполнены автором статьи. Фрагменты текста цитируются по изданию Kazantzakis 2000 с сохранением орфографии источника.

промышленность:

- (2) Το μεγαλύτερο **όπλο του κομμουνισμού είναι η βιομηχανία.**
 ‘Самое главное **оружие коммунизма – промышленность**’,

наука:

- (3) **Η επιστήμη** πρέπει να γίνει **όργανο του Προλεταριάτου, ένα όπλο...**
 ‘**наука** должна **стать инструментом** Пролетариата, **оружием...**’,

просвещение:

- (4) **Το Φως – να το σπαθί** μας!
 ‘**Свет – вот наш меч!**’,

пролетариат:

- (5) Με τέτοιο **σπαθί** [το проλεταριάτο] η ρουσική επανάσταση επιχείρησε από τις πρώτες μέρες να λύσει όλα τα... προβλήματα.
 ‘Этим **мечом** русской революции удалось с первых дней решить все... проблемы’,

наконец, школа и школьники:

- (6) Εδώ, στη Σοβιετική Ρουσία, σφυροκοπιέται **ένα φοβερό όπλο**, γυμνάζεται **ένας** φανατισμένος **στρατός**.
 ‘Здесь, в Советской России, куется новое страшное **оружие**, готовится новая фанатичная **армия**’.

В связи с последним примером отметим, что метафора ШКОЛА – ОРУЖИЕ дополняется метафорой ШКОЛА – АРМИЯ. Этот пример описания советской действительности в терминах военных действий не единичен. Так, коммунистическая партия характеризуется в тексте как

- (7) **Το** πιο υπεύθυνο **τάγμα** της σοβιετικής Ρουσίας.
 ‘самый ответственный **батальон** советской России’.
 И даже театр в России приобретает черты военного лагеря:
 (8) Εντύπωση πως αναπνέω τον αγέρα χιονισμένου άγριου **στρατόπεδου**.
 ‘<...> впечатление, что я дышу воздухом заснеженного дикого **военного лагеря**’.

Обратим внимание на то, что во всех приведенных выше примерах как оружие автором мыслится то или иное общественное объединение или абстрактное понятие: φως ‘свет, просвещение’, επιστήμη ‘наука’, δίκαιο ‘право’ и т. д. Это в полной мере передает свойственное советской действительности представление об обществе как идеальном механизме, каждый элемент которого четко выполняет предписанную ему функцию. Поскольку в описываемый момент времени основная функция советского общества – война против капитализма за право на существование, метафора Χ – ОРУЖИЕ применима

при описании многих сфер человеческой деятельности в советском государстве.

Отметим также, что значение лексемы *όπλο* 'оружие' в новогреческом языке определяется как средство защиты, решения проблемы, достижения желаемого результата или удовлетворения потребности (Dimitrakos 2008–2009: 5187), что, с одной стороны, еще раз указывает на то, что автор пытается передать в тексте советскую механистическую концепцию общественной жизни, с другой – свидетельствует, что для Н. Казандзакиса победа коммунизма является желаемым исходом политических потрясений и социальной борьбы в Советской России. Эту мысль подтверждает и употребление лексемы *σπαθί* 'меч' в одном из приведенных выше примеров. Если в большинстве случаев в метафоризации участвует лексема *όπλο*, обозначающая некий недифференцированный объект, употребляемый как инструмент в борьбе, достижении цели или решении проблем, то лексема *σπαθί* 'меч', обозначая также своеобразный военный «инструмент», имеет другой набор коннотаций. Помимо значения 'оружие', эта лексема в новогреческом языке приобрела метафорическое значение 'достоинный доверия человек, человек чести' (Dimitrakos 2008–2009: 6615). Семы 'честь', 'честность' фигурируют, например, в таких устойчивых выражениях: [*κέρδισα κάτι*] με το σπαθί μου – букв. '[добился чего-л.] собственным мечом' (т. е. достиг чего-либо сам, своим упорством и целеустремленностью); [*αυτός*] είναι σπαθί букв. '[он] меч' (о человеке честном, прямом и открытом). Таким образом, метафора ПРОСВЕЩЕНИЕ – МЕЧ в тексте Н. Казандзакиса призвана в очередной раз подчеркнуть всю важность высокой миссии по просвещению граждан, взятой на себя советской властью, а также то, что ее борьба со «старым миром» является доблестной и священной.

Помимо метафор со сферой-источником ОРУЖИЕ, в тексте «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» важную роль играют те метафоры, сферу-источник для которых формирует семантическое поле ОРУДИЕ. Основываясь на широкой трактовке понятия «орудие», рассматривающей его не только как инструмент, но и вообще как средство достижения какой-либо цели (Ozhegov, Shvedova 2006: 460), мы включаем в эту категорию любой предмет или сооружение, используемое человеком в повсе-

дневной деятельности, за исключением уже рассмотренной выше категории ОРУЖИЕ.

В метафорике Н. Казандзакиса в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» важную роль играет описание России как сельскохозяйственного сооружения, связанного с представлениями о тяжелом крестьянском труде, или как лаборатории, где проводится некий эксперимент и идет химическая реакция.

Так, например, на напряженность политической и социальной жизни России указывает сопоставление ее с гумном:

- (9) Κόκκινο **αλώνι** της Ρωσίας.
‘Красное **гумно** России’.

Лексема *αλώνι* ‘гумно’, обозначая место для молотбы зерновых, имеет в новогреческом языке коннотацию ‘тяжелая, напряженная работа’, поскольку этот процесс в сельском хозяйстве приходится на самую напряженную пору года – период сбора урожая. В силу этого метафора **РОССИЯ – ГУМНО** указывает на лихорадочную напряженность производимой советской властью работы, цель которой – создание новой России и освобождение от груза пережитков старого строя, подобно тому, как зерно на току освобождается от твердой оболочки, непригодной в пищу.

Еще один пример употребления Н. Казандзакисом «сельскохозяйственной» метафоры – сопоставление Москвы с оживленным пчелиным ульем (*κυψέλη*). Языковая метафора **МОСКВА – УЛЕЙ**, как и рассмотренная выше, имеет целью продемонстрировать читателю, что напряженная работа является жизненной необходимостью для всех граждан Советской России, так как только она может гарантировать им выживание в новом мире победившего социализма. Отсюда и проистекает сопоставление Москвы с ульем, поскольку пчелы известны своей неутомимостью и нетерпимостью к трутням:

- (10) Η λέξη που απ’όλες συχνότερα ακούς είναι η λέξη ραμπότ, «εργάζομαι» – σε όλους του χρόνους και σε όλα το πρόσωπα. Νιώθεις πως μπήκες σε **μια** εργατική ανήσυχη **κυψέλη**... Όλοι είναι κυριεμένοι από τον πυρετό της εργασίας. Από ανάγκη: όποιος εδώ δε δουλεύει είναι κάτι παρά φύση, δεν μπορεί σε κανένα θεσμό ν’ακουμπήσει και ν’ασφαλιστεί.

‘Слово, которое слышишь здесь чаще других – *работ*, «работать» – во всех временах и лицах. Кажется, что ты попал в беспокойный рабочий **улей**. Всех захватила горячка работы. Такова необходимость: здесь тот, кто не работает, является

чем-то неестественным, и нигде не найти ему пристанища и укрытия’.

Помимо «сельскохозяйственных» метафор, для описания советских реалий Н. Казандзакисом употребляются языковые метафоры, заимствованные из сферы науки, в частности, химии. Так, например, Византия, во многом сформировавшая, по мнению автора, мировосприятие и психологию русского человека, описывается как

- (11) Το μέγα **χωνευτήρι** της Ανατολής και της Δύσης.
‘огромный **тигель** Востока и Запада’.

В силу этого и сама Россия в глазах автора приобретает двойственность и способность примирять, казалось бы, непримиримые противоречия:

- (12) Ο Ρούσος έχει το πρωτόγονο χάρισμα ν’αδερφώνει μέσα του αντίφασες ασυβίβαστες για τη λογική του Ευρωπαίου.
‘Русский человек обладает первобытным даром объединять между собой противоречия, несовместимые для логики европейца’.

Отметим также, что слово **χωνευτήρι** ‘тигель, плавильный котел, ‘горнило’ обозначает, прежде всего, металлургическую печь из огнеупорного материала, используемую для плавления и очищения металла (Dimitrakos 2008–2009: 7951). Употребляя эту лексему, автор показывает, что соединение разнородных и, казалось бы, несочетаемых между собой явлений в России, как и в Византии, даст неожиданный результат – нечто более совершенное, чем Восток и Запад, взятые по отдельности.

Эта «сельскохозяйственная» метафора дополняется другой, построенной на сопоставлении жизни советской России с химической лабораторией или мастерской:

- (13) Η Ανατολή, **το** φλογερό τούτο **εργαστήρι**, ξυπνάει.
‘Восток, эта пламенная **лаборатория**, пробуждается’;
(14) Η ζωή **στο** σύγχρονο τούτο χημικό **εργαστήρι**.
‘Жизнь в этой современной химической **лаборатории**’.

Идея о том, что происходящее в Советской России является огромным по масштабам социальным экспериментом, близка Н. Казандзакису и не раз высказывается им в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία»:

- (15) ... ένα **πείραμα** δύσκολο πολύ κι αματερό επιχειρεί σήμερα ο άνθρωπος απάνω στα χώματα τούτα...
‘...сложный и кровавый **эксперимент** ставит сегодня человек на этой земле...’.

Метафора РОССИЯ – ЛАБОРАТОРИЯ/МАСТЕРСКАЯ еще раз подчеркивает эту мысль, указывая на то, что Россия представляется автору источником созидательных сил, хотя исход социальных опытов советской власти сложно предугадать.

Употребление в метафорическом значении лексем, связанных со спортивными состязаниями, описывает происходящее в России как борьбу, причем не только в политической сфере. Напряженность политической жизни в России подчеркивается метафорой КРЕМЛЬ – АРЕНА (ПАЛЕСТРА). Лексема *παλαίστρα* ‘палестра, арена’ в новогреческом языке, помимо места для соревнований как такового, обозначает еще и сферу столкновения различных идей, мнений и разнонаправленных политических, духовных, социальных сил (Dimitrakos 2008–2009: 5350; ср. рус. *мировая арена*). В данном случае Кремль становится местом столкновения Духа, олицетворяемого Лениным, и Материи – крестьянина:

(16) Αναμαυλούσα στο νου μου την όλο φως και φλόγα σπιθόβολη μορφή του Λένιν και έβλεπα τώρα μπροστά μου τη σκοτεινή ζύμη που ζύμωσε – το μουζικό. Τους δύο τούτους προαιώνιους αντιπάλους και συνεργάτες – το Πνέμα και την Ύλη – λαχτάριζα τώρα... να δω να παλεύουν μέσα στην κόκκινη κλειστή **παλαίστρα του Κρεμλίνου**.

‘Я размышлял и представлял себе полный света и пламени, искрящийся образ Ленина и видел перед собой темное тесто, которое он замесил, – мужика. И этих двух извечных противников и союзников, Дух и Материю, мне не терпелось увидеть борющимися на красной закрытой **арене Кремля**’.

Интересно, что Кремль в тексте также сопоставляется с колыбелью («κόκκινη τούτη **κούνια... το Κρεμλίνο**»). Эта метафора используется Н. Казандзакисом для создания интересного образа: описывая очередной юбилей Октябрьской революции, он сравнивает ее с маленькой хорошенькой девочкой. Именно эта девочка определит дальнейший путь развития человечества, и потому весь мир внимательно следит за ней, внимание приковано к ее красной колыбели (Кремлю). Сопоставляя Кремль с колыбелью, а революцию – с маленьким ребенком, Н. Казандзакис в очередной раз подчеркивает, что в его картине мира октябрьский переворот – это рождение новой жизни на месте гибели старого мира. Колыбель в данном случае обозначает, что, по мнению автора, этой новой жизни

предстоит пройти все стадии развития, а потому единственное, что нужно делать в данном случае – наблюдать и ждать.

Метафоры в тексте Н. Казандзакиса многократно подчеркивают мысль о том, что гибель старого мира и победа революции исторически закономерна в силу упадка и разложения, в котором находилось общество в России в последние годы существования царского режима. Одним из примеров такого рода метафор является метафора, построенная на сопоставлении судебной системы императорской России с сетью:

- (17) Το πυκνό δίκτυ των δικαστηρίων τη τσαρικής εποχής.
‘Густая **сеть судов** царской эпохи’.

Лексема δίκτυ ‘сеть’ в новогреческом языке может обозначать еще и ловушку, уловку, т. е. сети, расставленные с подлыми, преступными целями. Именно такой сетью, по мнению автора, была судебная система царской России, построенная на «формальностях, которые душили суть». Революция же уничтожила этот скомпрометировавший себя институт и создала новый, основанный на новом, «красном», праве:

- (18) «Ευτός μετά την επανάσταση, όλοι οι πολύπλοκοι τύποι, που σιγά και Σίγουρα έπνιγαν την ουσία, καταργήθηκαν. Καταργήθηκε και εξαφανίστηκε όλο το πυκνό δίκτυ των δικαστηρίων της τσαρικής εποχής.

‘Сразу же после революции все сложные формальности, которые медленно и верно душили суть, были отменены. Была отменена и исчезла и вся густая сеть судов царской эпохи’.

Как видно, почти все рассмотренные метафоры противопоставляют старую Россию новой, показывая при этом моральное и историческое превосходство последней. Однако позиция автора несколько сложнее, чем бинарная оппозиция плохой – хороший. Так, например, описывая декорации представления в театре Мейерхольда, «машины, лестницы, железо», Н. Казандзакис отмечает:

- (19) Τούτα τα σίδερα, τα ξύλα κι οι μηχανές... είναι... **τα κάγκελα** της φυλακής μας.

‘Все это железо, дерево и машины... – **решетка** нашей тюрьмы’.

Таким образом, в целом приветствуя победу «дивного нового мира» в советской России и понимая историческую необходимость непрерывного движения вперед «в нашу промышленную безжалостную эпоху», Н. Казандзакис не может все же

не отметить, что этот шум и спешка не должны заставить человеку глаза: выше промышленности и прогресса всегда должен оставаться человек и его внутренняя жизнь.

Многочисленна в метафорических переносах лексика, обозначающая произведения искусства, в основном книги, а также организации и общественные объединения, связанные с человеческой деятельностью. Например, для описания жизни в России Н. Казандзакис использует метафору мозаики, описывая ее как «ρούσικο **μωσαϊκό**» или «ρούσικο **ψηφιδωτό**».

Лексемы **μωσαϊκό** ‘мозаика’ и **ψηφιδωτό** ‘мозаика’ используются автором как полные синонимы, хотя в новогреческом языке переносное значение имеет только первая из них, **μωσαϊκό** ‘мозаика’, обозначая не только изображение, полученное путем выкладывания фигур и узоров из мелких кусочков стекла, смальты, мрамора, глины, камня и т. д., но и неоднородную смесь элементов различного происхождения (Dimitrakos 2008–2009: 4834). Таким образом автором еще раз подчеркивается характерное для России, по его мнению, хаотичное брожение разнородных элементов, общественных сил и идей.

Метафоры типа ПРЕДМЕТ – ПРЕДМЕТ часто строятся на основе лексики, так или иначе связанной с религиозной сферой, и свидетельствуют, что для автора коммунизм – новая советская религия:

(20) **όλο μυστικοπάθεια και δογματισμό θρησκεία: η αθεΐα.**

‘Полная мистицизма и догматизма новая **религия – безбожие**’.

Эта концептуальная для автора метафора дополняется другими, которые вписывают явления советской действительности в созданную автором «религиозную» парадигму. Так, «Капитал» К. Маркса становится новым Евангелием:

(21) **του Κεφαλαίου, της μαρξιστικής Καινής Διαθήκης.**

‘**«Капитала», марксистского Нового Завета**’,

(22) **«να κηρύχνει το νέο Ευαγγέλιο και να φωτίζει ψυχές»**

‘**провозглашать новое Евангелие и просвещать души**’,

партийные съезды – вселенские соборы:

(23) **μια στιγμή πέρασαν από το νου μου οι Οικουμενικές Σύνοδες των πρώτων χριστιανών.**

‘На мгновение мне пришли в голову **вселенские соборы** первых христиан’ (речь идет о партийном съезде).

Есть свой катехизис и заповеди:

(24) **μα εμείς έχουμε μια νέα κατήχηση και νέες εντολές.**

‘Но у нас новый **катехизис** и новые **заповеди**’,

а преобразование Советской России сопоставляется с новым крестовым подходом (**ιερή σταυροφορία**)².

Таким образом, религиозные метафоры предметной семантики показывают, что, постоянно противопоставляя старую и новую Россию, Н. Казандзакис, тем не менее, признает, что в среде советского народа религиозное чувство и истинная вера не угасла, а лишь сменила объект:

(25) Η κορνίτσα μένει, το κόνισμα μονάχα αλλάζει
'Рама остается, только изображение меняется'.

Находясь в сложных отношениях с церковью и своеобразно трактуя православие (Hatziapostolou 2013: 26), автор, возможно, видит в отношении к религии в России отголоски собственного синкретического видения Бога и божественного, что отражается в том числе и в языке его записок.

Анализ группы метафор с семантикой артефакта показывает, что в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» принципиально значимой для автора является метафора оружия, при этом как оружие может восприниматься практически любое явление (искусство, школа, театр, просвещение и т. д.), а сама жизнь в советской России – не что иное как непрекращающаяся борьба между противоборствующими силами. На это, в частности, указывает метафора арены/ палестры.

Рассмотренный материал позволяет установить, что для осмысления происходящего большое значение имеют метафоры, связанные с совместной трудовой деятельностью (гумно, улей). Метафоры тигля и лаборатории/мастерской используются автором, чтобы показать, что советская действительность – огромный социальный эксперимент, цель которого – создание новой, более счастливой и справедливой человеческой жизни, отправной точкой которой является Октябрьская революция, описываемая как колыбель дальнейшего развития всего мира.

Многочисленны примеры метафор с семантикой артефакта, связанных с религиозной сферой, поскольку идея о том, что коммунизм по сути своей является новым христианством, принципиально важна для Н. Казандзакиса и часто

² При этом само строительство советской власти описывается автором как «боговдохновенный **крестовый поход**, в котором участвуют немногие в России» (ένθεη **σταυροφορία** που αναλαμβάνουν οι λίγοι στη Ρουσία).

иллюстрируется им метафорическими переносами, например, сопоставлением Нового Завета и «Капитала» К. Маркса или партийных вождей и христианских апостолов.

Описывая в том числе и с помощью метафор рассматриваемого нами типа разрыв между старой и новой Россией, Н. Казандзакис в то же время показывает, что нельзя пользоваться только черной и белой красками. Уподобление промышленного развития тюремной решетке, а также изображение коммунизма как нового христианства свидетельствует о том, что огромный экономический скачок и тотальная механизация не гарантируют человеческого счастья, а изменения в сознании простого советского гражданина пока не коснулись его глубинных убеждений и мотивов, а заключаются лишь в замене одного объекта почитания на другой.

Литература

- Aristotle 2007: *Poetika. Ritorika [Rhetoric and poetics]*. Moscow: Azbuka.
Аристотель. 2007: *Риторика. Поэтика*. М.: Азбука.
- Arutyunova, N. D. 1990: [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N. D., Zhurinskaya, M. A. (eds.). *Teoriia metafory [Metaphor theory]*. Moscow: Profess, 8–32.
Арутюнова Н. Д. 1990: Метафора и дискурс. В кн.: Арутюнова Н. Д., Журинская М. А. (ред.). *Теория метафоры*. М.: Професс, 8–32.
- Basilaya, N. A. 1971: *Semasiologicheskiy analiz binarnykh metaforicheskikh slovosotchetaniy [Semasiological analysis of binary metaphorical phrases]*. Tbilisi: Tbilisi University Press.
Басилая Н. А. 1971: *Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний*. Тбилиси, Изд. Тбилисского ун-та.
- Bessarabova, N. D. 1986: *Izobrazitelniye i vyrazitelniye vozmozhnosti metafor v gazetno-publitsisticheskoi rechi [Figural and expressive potential of metaphors in newspaper discourse]*. PhD thesis. Moscow: Moscow State University.
Бессарабова Н. Д. 2006: *Изобразительные и выразительные возможности метафор в газетно-публицистической речи*. Дис. ...канд. филологич. наук. М.: МГУ.
- Dimitrakos, D. 2008–2009: *Mega lexicon olis tis ellinikis glossis [Big dictionary of the Greek language]*. Athens: Proodos
Δημητράκος Δ. 2008–2009: *Μέγα λεξικόν όλης της ελληνικής γλώσσας*. Αθήνα: Πρόοδος.
- HatziaPOSTOλου, M. 2013: *To prosopo tou Hristoy sto Niko Kazantzaki [The face of Christ in Nikos Kazantzakis]*. Athens: Armos.
Χατζηαποστόλου Μ. 2013: *Το πρόσωπο του Χριστού στο Νίκο Καζαντζάκη*. Αθήνα: Εκδόσεις Αρμος.

- Kaminsky, P. P. 2007: [Principles of research of publicism at the present stage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal of Philology]* 1, 97–105.
Каминский П. П. 2007: Принципы исследования публицистики на современном этапе. *Вестник Томского государственного университета. Филология* 1, 97–105.
- Kazantzakis, N. 2000: *Taksidevontas. Rousia [While travelling. Russia]*. Athens: Kazantzakis editors.
Καζαντζάκης Ν. 2000: Ταξιδεύοντας. Ρουσία. Αθήνα: Εκδόσεις Καζαντζάκη.
- Laguta, O. N. 2003. *Metaforologija: teoreticheskie aspekty [Metaphorology: theoretical aspects]*. Part 2. Novosibirsk: Novosibirsk University Press.
Лагута О. Н. 2003: *Метафорология: теоретические аспекты*. Ч. 2. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та.
- Lakoff, G., Johnson, M. 2004: *Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]*. Moscow: URSS Editorial.
Лакофф Дж., Джонсон М. 2004: *Метафоры, которыми мы живем*. М.: УРСС Эдиториал.
- Moskvin, V. P. 2012: *Russkaya metafora: Oчерk semioticheskoj teorii [Russian metaphor: A sketch of a semiotic theory]*. Moscow: Izdatelstvo LKI.
Москвин В. П. *Русская метафора: Очерк семиотической теории*. М.: Издательство ЛКИ.
- Musolff, A., Zinken, J. (eds.). *Metaphor and Discourse*. London: Palgrave Macmillan, 2009.
- Ozhegov, S. I, Shvedova, N. Y. 2006: *Tolkovy slovar russkogo yazika [Explanatory dictionary of Russian]*. Moscow: ООО «А ТЕМР».
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: ООО «А ТЕМП».
- Sklyarevskaya, G. N. 1993: *Metafora v sisteme yazika [Metaphor in the language system]*. St. Petersburg: Nauka.
Скляревская Г. Н. 1993: *Метафора в системе языка*. СПб: Наука.
- Taverniers, M. 2002: Metaphor. In: Verschueren, J., Östman, J.-O., Blommaert, J., Bulcaen, C. (eds.). *Handbook of Pragmatics*. Benjamins, Amsterdam, 1–36.
- Teliya, V. N. 1981: *Tipy yazikovyx znatcheniy: Svyazannoe znachenie slova v yazike [Types of language meanings: Associated meaning of the word in language]*. Moscow: Nauka.
Телия В. Н. *Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке*. М.: Наука.
- Teliya, V. N. 1988: *Metafora v yazike i tekste [Metaphor in language and text]*. Moscow: Nauka.
Телия В. Н. 1988: *Метафора в языке и тексте*. М., Наука.

O. B. Bobrova. Language Metaphors of Artefact Semantics in Nikos Kazantzakis' «Ταξιδεύοντας. Ρουσία»

In contemporary linguistics the metaphor is widely used as a research instrument of the language picture of the world. In this paper an attempt was made to analyze the language picture of the world and the thinking style of a modern Greek prosaic Nikos Kazantzakis as reflected in his travelling writings «Ταξιδεύοντας. Ρουσία». The method of the research is based on the semantic analysis of language metaphors.

The research material is represented by metaphors of A–B semantic scheme based on concrete nouns of artefact semantics i.e. the nouns signifying an object created and used by the man in his everyday economic, social and other activities (an artefact). The categorization is based on the semantics of the source domain lexeme.

The analysis reveals that the source domain in «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» is represented by lexemes denoting different classes of objects: weapon, instrument, piece of art.

Every phenomenon and abstract concept can be described as a weapon, e.g. law, industry, education, proletariat, school and pupils. This approach reveals the author's view that even the peaceful life in Russia is nothing but a continuous struggle with the old world, hostile environment and imperfect human nature.

A significant role in the text play the metaphors whose source domain is formed by the INSTRUMENT semantic field. This field is represented in «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» by the lexemes *αλώνι* 'barn', *κυψέλη* 'beehive', *χωνευτήρι* 'melting pot', *εργαστήρι* 'workroom', *παλαίστρα* 'arena', *κούνια* 'cradle', *δίχτυ* 'net'.

The analysis reveals that for Nikos Kazantzakis in his «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» it is very important to describe Russia as an agricultural facility which symbolizes the peasant's toil, or alternatively as a laboratory where an experiment or chemical reaction is being processed.

Numerous lexemes in the text denote creative, not economic results of human activity, i. e. works of art (*μοσαϊκό*, *ψηφιδωτό* 'mosaic'), books and texts (*Καινή Διαθήκη* 'New Testament, *Ευαγγέλιο* 'Gospel', *κατήχηση* 'Catechism', *εντολές* 'commandments').

The lexemes *μοσαϊκό* 'mosaic' and *ψηφιδωτό* 'mosaic' are used by the author to emphasize the chaotic effervescence of heterogeneous elements, social forces and ideas, which was characteristic for Russia of his time. The other metaphors of this group are formed with the lexemes related to the religious sphere and reveal the author's view that communism was the new Soviet religion. By opposing the old and the new Russia Nikos Kazantzakis shows that the religious feeling and the true faith have not yet vanished in the Soviet people but have changed their object instead.

Keywords: language metaphor, cognitive metaphor, metaphorology, lexical semantics, author's journalism, Nikos Kazantzakis, Journeying.